

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НА АДАПТАЦИЮ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

С.Г.Максимова

Социальные проблемы старения возникли вместе с развитием общества. Они выражались в том, какую позицию общество занимало по отношению к стареющим и старым людям и какое фактическое место занимали старые люди среди других возрастных групп, какие функции в обществе они выполняли.

Социальная политика по отношению к престарелым гражданам, как и социальная политика нашего государства в целом, ее масштабы, направленность и содержание на протяжении всей истории страны определялись социально-экономическими и конкретными общественно-политическими задачами, стоявшими перед обществом на том или ином этапе его развития.

Процесс постарения населения в России происходит на фоне резкого изменения социальной ситуации пожилых людей, формирования новых ценностных ориентации и установок в общественном сознании. Значительное изменение мировоззрения и социального окружения нарушает идентичность пожилых людей, дестабилизирует их психическое состояние, снижает уровень социально-психологической адаптации. Картина общества, предстающая перед человеком, не имеет стабильности, причем неопределенным видится не только будущее, но часто и прошлое. Это дезорганизует пожилых людей, не позволяет им адекватно оценить свою жизнь, осознать ее как достойную, прожитую не зря. Такое состояние усиливает у пожилых людей напряженность (фрустрация), вызванную неудовлетворительным самочувствием в связи с возрастными изменениями в организме и новым, непривычным статусом, обусловленным выходом на пенсию.

Социальные исследователи, такие как Д.Ф.Чеботарев, А.Т.Шаталов, Т.В.Карсаевская, Е.Ф.Рыбалко, С.Tibbitts, Н.Friis, С.Jomain, С.Н.Victor, W.Tulibacki [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8], изучающие феномен старости, были единодушны в том, что геронтологический анализ должен охватывать биологические, психологические и социальные аспекты старения, т.е. закономерности эволюции живых организмов, включая человека, особенности

внутриличностного переживания опыта старости, специфику положения престарелых в разных социальных системах.

В развитии современной социальной науки о старости можно выделить три основных направления: это изучение старения как процесса в его биологическом и психологическом измерениях; это институциональный подход, акцентирующий проблемы социально-экономического статуса и социальных ролей престарелых; и, наконец, историко-культурологический анализ, сопоставление различных представлений о старости и социальных подходах к ее оценке. В рамках этих направлений создаются различные модели социogerонтологического знания, предмет которого составляют, таким образом, процесс старения в его социоисторической динамике, во-первых, и социальное положение и психологический опыт пожилых как специфической социовозрастной группы, во-вторых.

Развитие теоретического знания о старости и престарелых предполагает разработку геронтологической парадигмы. Формирование такой парадигмы в геронтологии как социальной науке связано с неоднозначным пониманием сущности проблем, связанных с процессом и результатом старения, и различными способами их решения. L.Tornston [9] выделяет пять основных парадигм, в рамках которых осуществляется сегодня теоретическое осмысление старости. Первая из них связана с интерпретацией социальных проблем в терминах социальной патологии. С этой точки зрения трагедия старения заключается в том, что индивид перестает отвечать критериям «нормы» (нормальности) в физиологическом, психологическом, коммуникативном, производственном и прочих отношениях. Независимо от того, каким образом исчисляются здесь нормативные критерии (на основе статистической нормы, медицинских или психосоциальных стандартов либо моральных предписаний), «патологическое» измерение социальных проблем престарелых ограничивает их решение уровнем отдельного индивида, без каких-либо рекомендаций, касающихся перестройки социальных отношений и структур. Антиподом

этой парадигмы является мораль, где точкой отсчета выступает уровень организации социального целого, степень взаимосвязи его частей [3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16]. Соответственно источником социальных проблем будет здесь нарушение стройности социальной системы, ее дезорганизация. Применительно к положению престарелых в современном обществе можно говорить о разрушении вследствие индустриализации и урбанизации традиционного образа жизни и порожденного им образа старости как синонима житейской и профессиональной мудрости. С этих позиций решение социальных проблем престарелых предполагает те или иные макроструктурные изменения.

В рамках третьей парадигмы L.Tornston, С.Н.Victor [8, 9] рассматривают социальные проблемы, выступающие как явный или скрытый конфликт ценностей. Проблема старения заключается, таким образом, в неизбежности непрерывного конфликта между потребностями индустриального рынка, нуждающегося в притоке свежей рабочей силы, и стремлением стареющего индивида актуализировать ценность своего социального и личностного «я» посредством продуктивного труда. Четвертая парадигма рассматривает возникновение социальных трудностей через призму концепции девиантности [17]. Пассивность стариков, их социальное отчуждение, уход в себя и тому подобные атрибуты старости трактуются в данном случае как варианты отклоняющегося поведения. Пятая модель базируется на теории «наименования»; проблемы старости интерпретируются здесь как следствие неадекватного ее восприятия или «навешивания ярлыков» (старый, слабый, больной, бедный и т.п.) [18].

Не все существующие геронтологические теории развиваются в пределах названных парадигм. Исключение составляют, например, попытки понять феномен старения с позиций концепции жизненного цикла. Здесь чаще всего обращаются к психоаналитической традиции – к теориям З.Фрейда, К.Юнга, Э.Эриксона и др. [19, 20, 21]. Концепции Э.Эриксона [20] нередко отдают предпочтение, так как он раздвинул хронологические рамки классического психоанализа и представил жизненный цикл личности как последовательную смену восьми фаз: раннего младенчества, раннего детства, позднего детства, юности, поздней юности, периода «продуктивности» (зрелости) и старости. Недостатком теории развития является жесткий, «нормативный» характер периодизации

и смены жизненных этапов, а также трудность эмпирической проверки. Наибольший интерес такой подход представляет для геронтологов, изучающих психологические аспекты старости.

Особое внимание уделяется теории символического интеракционизма, которая дает возможность «эмпирически проследить динамику старения» посредством обращения к символическим аспектам взаимодействия пожилых людей с окружающей социальной средой, а также проанализировать формы приспособления к изменяющимся условиям жизни. В рамках интеракционистского подхода специальный интерес представляют такие темы, как адаптация пожилых в домах престарелых, работы И.С.Ионкувене, М.А.Ноботас, А.А.Ригиной, В.В.Болтенко [22, 23]; ролевые изменения, связанные с увольнением и пенсией, исследования Н.В.Паниной, В.Д.Шапиро, Б.Д.Петрова [24, 25], роль «клубов пожилых» [18].

Существуют также подходы [17], акцентирующие маргинальность пожилых людей, их положение социальных изгоев, удел которых – это низкие доходы и скудные возможности. Сторонники данного подхода уделяют особое внимание изучению субкультуры пожилых, обусловленной сходными условиями жизни и общими бедами. Очевидной слабостью этой точки зрения считается тот факт, что здесь не находит отражения социальная неоднородность пожилой части общества.

Наконец, теория возрастной стратификации, которую предложили M.W.Riley, R.S.Lauffer, V.L.Bengston [26, 27], позволяет рассматривать общество как совокупность возрастных групп и таким образом отразить обусловленные возрастом различия в способностях, ролевых функциях, правах и привилегиях. Основанием для такой стратификации служит хронологический возраст. В рамках этого подхода на первый план выдвигаются такие проблемы, как место пожилых в обществе, индивидуальное перемещение из одного возрастного страта в другой, механизмы распределения социовозрастных ролей и т.п. Такая позиция позволяет охарактеризовать престарелых в терминах демографических показателей, проследить их взаимоотношения с прочими возрастными группами.

В геронтосоциологии выделяют также социально-психологические подходы к изучению позднего периода жизни: пессимистические, такие как «дефицитная модель старения», «теория освобождения от дел», «кон-

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НА АДАПТАЦИЮ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

цепция разобщения» [28, 29], им на смену приходит тенденция к принятию «ограниченного», «модифицированного неооптимизма» и др.

Согласно теории «освобождения от дел», или «разобщения» (disengagement), которая разработана S.Rosen, B.L.Neugarten, E.Cumming, W.E.Henry [28, 29], разобщение состоит в разрыве связей между личностью и обществом, уменьшении энергии и ухудшении качества тех социальных связей, которые еще сохраняются между ними. Это психосоциальное явление особенно свойственно людям в предпенсионном и пенсионном возрасте, что обусловлено естественным изменением психики стареющего человека, с одной стороны, и внешними социальными воздействиями – с другой. Разобщение может проявляться как в ослаблении социальных контактов и специфическом отстранении более молодых поколений и общества в целом от пожилых людей [4, 6], так в выходе на пенсию и связанной с этим утрате социального статуса [24], уменьшении информации, которую обеспечивал этот статус, спаду коммуникабельности. В то же время разобщение проявляется в психологической сфере: изменяются мотивация, интересы, сужается их круг, они при этом сосредотачиваются на внутреннем мире личности.

Связывая явления разобщения с незанятостью, полагают, что последняя – совокупный процесс, объясняемый и психикой индивида, и вмешательством общества, включающего или выключаящего его из социальной деятельности, но подчеркивают примат психологического фактора, считая, что даже в том случае, когда пожилой человек свободен от обязанностей перед обществом, он остается в плену своих потребностей и внутреннего долга перед самим собой. Исходя из такой точки зрения пожилым и старым людям приписывают интровертированность, самоуглубление, эгоизм, себялюбие.

S.Beauvois [17] говорит, что старикам приходится сталкиваться с ограниченным будущим и застывшим прошлым. Все их планы свершены либо оставлены, их жизнь уже завершилась как бы сама по себе, они ничего от нее не хотят, им нечего делать.

Г.С.Алексеевич считает, что «особую роль в эмоциональных переживаниях стариков играет сознание удавшейся или неудавшейся жизни. Если последствия жизненных ошибок серьезны и непоправимы, могут появиться мрачное настроение, тоска, замыкание в себе, чувство безнадежности и т.д.»

[30]. Он предполагает, что для большинства людей старость безрадостна и счастливые старики встречаются пока довольно редко. Вместе с тем пессимистические подходы к позднему периоду жизни сейчас все больше сменяются тенденцией к принятию «ограниченного», «модифицированного неооптимизма».

В работах И.С.Кон, L.N.Knowles, H.A.Ross, L.Rosenmayr, E.A.Hefferin [31, 32] подчеркивается, что необходимо учитывать не только внутриличностные процессы, но и взаимодействие пожилых людей с ближайшим социальным окружением и обществом в целом. L.Rosenmayer [32] предлагает свою модель старения – «обмена», или «ассимиляции и отдачи», синтезируя некоторые позитивные положения теорий пассивности и активности. Ассимиляция включает в себя наряду с получением прямой помощи процессы обучения, познания, оценки и контроля опыта.

И пессимизм, и ограниченный оптимизм многих моделей старения не случайны, что показывает и сознательно или невольно обосновывает теоретически то неблагоприятное положение, в котором находятся люди старшего поколения. Поэтому особое внимание в последнее время как в российской, так и зарубежной геронтологии уделяется проблеме социальной адаптации престарелых людей, под которой понимается «то, как они, получив в силу своего возраста новые качества, приспосабливаются к обществу и как общество приспособливает пожилых и престарелых людей к себе».

Проблема, которую предлагается осветить в данной статье, – это изучение особенностей социального механизма воздействия системы социальной защиты через формирования социальных установок общества к старшему поколению в контексте социально-психологической адаптации лиц пожилого и старческого возраста в современных нестабильных социально-экономических условиях.

Основная гипотеза заключается в том, что формирующиеся в обществе стереотипы по поводу положения нетрудоспособного населения старших возрастных групп оказывают влияние на возникновение неадекватной геронтологической политики по отношению к лицам пожилого и старческого возраста.

При разработке стратегии исследования, методологической и методической основы описания объекта исследования и выбора методов анализа была использована концепция комплексной оценки жизненных сил че-

ловека, его индивидуальной и социальной субъектности (Григорьев С.И.) [33]. Такая методологическая база позволила использовать междисциплинарный подход, сочетающий элементы социологического и социально-психологического и психологического анализа.

На разных этапах экспериментального исследования использовались методы, основанные на разных методологических принципах:

1. На этапе социологического анализа было проведено социологическое анкетирование, по результатам которого охарактеризовано социальное положение лиц пожилого и старческого возраста.

2. На этапе психологического анализа Психологические особенности лиц пожилого и старческого возраста определялись с помощью стандартизированных процедур: 1) опросника самооотношения Столина; 2) методики Розенцвейга рисуночной фрустрации; 3) опросника уровня субъективного контроля; 4) ММРІ.

Тесты на уровень адаптации: 1) опросник социально-психологической адаптированности Роджерса; 2) опросник нервно-психического напряжения; 3) шкала астенического состояния; 4) шкала сниженного настроения - субдепрессии.

3. На этапе социально-психологического анализа формирования социальных установок в обществе было основано на применении Психосемантического подхода, т.е. реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Экспериментальная парадигма психосемантики включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта [34, 35, 36, 37, 38].

Для построения выборки была использована технология построения случайной многофазной (многоступенчатой выборки) – состояла из двух фаз случайного отбора: на первой – отбирались «первичные единицы отбора» (районы городские, сельские), на второй – производился случайный отбор единичных членов генеральной совокупности – отдельных респондентов пенсионного возраста, либо представителей социальных учреждений социального обслуживания.

Эмпирическую базу научного исследования составили данные государственной

статистики, результаты и материалы социологических исследований, проводимых в Алтайском крае в 21 районном Комитете Администрации Алтайского края по социальной защите (выборочная совокупность – 242 чел.), 23 стационарных учреждениях социального обслуживания. Выборочная совокупность обследованных социальных работников – 600 человек; лиц пожилого и старческого возраста – 800 человек.

1. Социологический анализ социального положения нетрудоспособного населения старших возрастных групп

Демографическая ситуация в Алтайском крае характеризуется активным процессом постарения населения. При населении Алтайского края 2653,0 тыс. человек, людей в возрасте старше 60 лет – 549 637 чел. Численность людей старше 80 лет – 51 821 чел. Индекс долгожительства, определяемый как процентное соотношение числа долгожителей к числу жителей старше 60 лет, т.е. к общему числу пожилых, для нашего края составляет 0,094 и имеет тенденцию к росту (0,087 в 1998 г.). На 13,7% увеличилась численность лиц пенсионного возраста за период с 1990 года по 2000 г.

2. По результатам психологического исследования можно сделать основные выводы:

1. Интегрированная и дифференцированная оценка социальных и психологических особенностей позволяет выявить преимущественную ориентацию лиц престарелого и старческого возраста на внутренние переживания, неадекватное эмоциональное реагирование на фрустрирующие ситуации социальной среды. Как правило, наблюдается затруднение социальных контактов, и эта социальная изоляция в сочетании с затруднением психической адаптации вызывает усиление реакций вегетативного типа на очень слабые стрессорные воздействия.

2. "Стресс-возраст-синдром" как интегральный фактор, влияющий на адаптацию лиц пожилого и старческого возраста в условиях учреждений социального обеспечения, охарактеризован как результат взаимодействия биологических, психологических и социальных особенностей жизнеосуществления. Взаимное влияние социальных факторов и "стресс-возраст-синдрома" может приводить к глубоким нарушениям социальной и психологической адаптации представителей социальной группы пожилого и старческого возраста (наиболее ярко это выражается в на-

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НА АДАПТАЦИЮ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

чальный период пребывания в доме-интернате).

3. Половозрастные различия являются важными факторами и условиями адаптации при оптимизации социальной защиты лиц пожилого и старческого возраста:

■ наблюдается динамика изменения социально-психологической адаптации лиц престарелого и старческого возраста в зависимости от длительности проживания в условиях стационарного учреждения социального обеспечения;

■ выявлены кризисные периоды адаптации (у мужчин на 1 и 3 год проживания; у женщин на 1 и 5 год);

■ актуальное состояние социальной адаптации в значительной степени определяется индивидуальным типом реагирования и проявляется в изменении степени выраженности личностных качеств; для женщин пожилого и старческого возраста характерна дезадаптация по социально-поведенческому типу, для мужчин пожилого и старческого возраста свойственно формирование невротического паттерна дезадаптации.

4. Анализируя результаты исследования по шкалам нервно-психического напряжения, астенического состояния, сниженного настроения – субдепрессии и шкалы одиночества у лиц пожилого и старческого возраста, проживающих на территории Алтайского края, можно сделать вывод об увеличении с возрастом доли лиц с высоким уровнем нервно-психического напряжения, с выраженной астенией, с глубоким снижением настроения (состояния депрессии, субдепрессии) и высоким уровнем одиночества. При избыточной эмоциональной напряженности, в состоянии дистресса и при нарастании признаков социально-психологической дезадаптации некоторые психологические особенности как некая predisпозиция могут способствовать успешной адаптации или же наоборот – перерасти в дезадаптивное состояние.

3. Психосемантическое исследование межпоколенных установок межличностного взаимодействия

Методом исследования и одновременно формой модельного представления категориальных структур сознания явилось построение семантических пространств на базе категорий, описывающих межличностное взаимодействие (выделенные на основе методики «Интерперсональной диагностики Т.Лири») [1, 2, 3, 4, 5].

На основе глубинного интервью 128 характеристик межличностного взаимодействия

были выделены шкалы дескрипторы (54 характеристики, которые образовывали 27 bipolarных шкал). В качестве объектов оценки, выражающих межпоколенные обобщения и стереотипы, было взято 8 понятий (ролевых позиций в терминах Дж.Келли), представленных следующими смысловыми блоками: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», «Идеальное Я». «Старшее поколение (как социальная группа)»; «Молодое поколение (как социальная группа)»; «Близкий молодой человек»; «Близкий пожилой человек».

Полученные матрицы корреляций в группе социальных работников высшего и среднего звена отражают невысокую степень когнитивной дифференцированности семантического пространства испытуемых. Но необходимо отметить, что при сравнении суммарных групповых решеток по половому признаку, с использованием индекса Баннистера, выявилось, что у мужчин семантическое пространство имеет более сложную когнитивную структуру (относительная сумма квадратов коэффициентов корреляций 0,958 у мужчин и 1,178 у женщин). То есть социальные представления о людях у женщин отличаются меньшей дифференцированностью, многие личностные характеристики, отражающие разные стороны межличностного восприятия и взаимодействия, воспринимают ими как нечто единое, однозначное. Сравнение по возрастному признаку выявило, что наиболее четко выделяют нюансы человеческих взаимоотношений испытуемые в возрасте 35-40 лет, в то время, как люди более старшего возраста и молодые люди в своих оценках более однозначны и категоричны. Что касается такого критерия для сравнения как уровень образования респондентов, то уровень когнитивной сложности снижается при повышении уровня образования. Возможно, это связано с тем, что, имея высшее и среднее специальное образование, и, соответственно занимая более высокие руководящие должности, испытуемые в своих оценках старались дать более общую картину исследуемой проблемы, невольно объединяя конструкты и упрощая семантическое пространство.

Сравнительный анализ данных, полученных в группе социальных работников руководящего звена, по половому признаку позволяет сделать следующие выводы:

1. Структура семантического пространства в группах мужчин и женщин имеет некоторые общие черты. В обеих группах основная

нагрузка приходится на фактор, объединяющий в себе характерологические черты доброжелательного, открытого, оптимистично настроенного человека, хотя женщины основной акцент делают на те черты личности, которые позволяют создавать и поддерживать хорошие межличностные отношения, а мужчины – на активную жизненную позицию и способность преодолевать трудности.

2. Социальные представления, которые сложились в обеих группах испытуемых по отношению к молодому поколению в целом имеют самую негативную окраску. Также отрицательную оценку дают испытуемые и поколению стариков. И те, и другие неприятные, вспыльчивые, нетерпимые, безразличные, замкнутые, нервные и так далее. Но старики хотя бы «осознают», какие они есть и пытаются примириться с жизнью, принять ее и сохранить сострадание и сочувствие к другим людям.

2. И мужчины и женщины, не отождествляют себя ни с поколением молодых, ни с поколением пожилых людей, самооценка в обеих группах дается в положительных тонах.

3. Испытуемые-женщины негативно воспринимают близкого пожилого человека, оценка которого в данной группе почти совпадает с оценкой старого поколения в целом. Для испытуемых-мужчин характерно то, что себя в старости они отождествляют с близким пожилым человеком и эти социальные роли имеют наиболее положительные характеристики.

4. В обеих группах динамика самооценки (Я в прошлом – Я сейчас – Я в старости) имеет положительную направленность. И мужчины, и женщины считают, что «идеальное Я» – это понятие почти недостижимое, оно противоположно представлениям о поколениях старых и молодых людей в целом, но испытуемые (и мужчины, и женщины) считают, что в старости они будут более близки к идеалу, чем в настоящее время.

Для сравнительного анализа, учитывающего возраст, испытуемые были разделены на следующие группы: испытуемые в возрасте 25-30 лет, 30-35 лет, 35-40 лет, 40-45 лет, 45-50 лет и 50-55 лет.

1. Семантическое пространство 30-35-летних. В этой группе испытуемые дают крайне негативные оценки, как старому, так и молодому поколениям в целом. Но диаметрально расходятся представления испытуемых о старом поколении вообще и близком пожилом человеке в частности. Если поколе-

ние стариков, получило крайне негативные характеристики, то оценка близкого пожилого человека дается с использованием положительно окрашенных конструктов. В группе испытуемых 30-35 лет наблюдается отторжение представлений о близком молодом человеке от представлений о себе, т.е. к 30-35 годам испытуемые полностью отделяют себя от молодого поколения.

3. Социальные представления о старости и пожилых людях в группе испытуемых 45-50 лет. В этой группе наблюдается тенденция сближения оценок старого поколения и близкого пожилого человека, а также молодого поколения и близкого молодого человека. Основное отличие испытуемых выявляется при анализе динамики развития самооценки. Испытуемые 45-50 лет оценивают свои возможности более пессимистично: «я сейчас хуже, чем был когда-то, и конечно еще отодринулся от своих представлений об идеальном я; но в старости я стану еще менее терпеливым и уживчивым, хотя и не опущусь до такой степени как эти старики вообще».

4. Представления о старости у испытуемых в возрасте 50-55 лет являются как бы зеркальным отражением представлений молодежи (испытуемые 25-30 лет) о старости. В обеих группах сохраняется тенденция развития самооценки по схеме: я сейчас немного хуже, чем был раньше, но к старости я сильно приближусь к своему идеалу и стану добрым, уравновешенным, приятным и доброжелательным. Но если молодые люди (25-30 лет) давали диаметрально противоположную оценку старикам вообще (плохие) и близкому пожилому человеку (хороший), то в группе испытуемых пожилого возраста (50-55 лет), наоборот, в целом молодое поколение получает отрицательные характеристики, в то время как близкий молодой человек оценивается самым положительным образом.

Общие выводы:

1. Не зависимо от пола, возраста и образования представления о старом поколении у социальных работников руководящего звена носят негативный характер.

2. Молодое поколение в целом воспринимается не только в отрицательных характеристиках, но и менее здоровым, серьезным и способным преодолевать трудности, чем старое поколение.

3. Можно говорить о существовании устойчивого стереотипа, который присущ всем испытуемым, не зависимо от пола, возраста и образования: «я в старости буду лучше, чем сейчас и лучше, чем все известные мне

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НА АДАПТАЦИЮ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

старики, так как я знаю, как трудно молодым общаться со старыми людьми».

4. Не зависимо от пола, возраста и образования, испытуемые не склонны отождествлять себя ни с молодым, ни со старым поколением вообще.

Исследование семантического пространства, отражающего социальные представления о старости и людях пожилого возраста, было проведено в группе социальных работников стационарных учреждений социального обслуживания.

Сравнительный анализ результатов с учетом уровня образования позволяет сделать следующие выводы:

1. Сохраняя во всех трех группах одинаковую полярность: «хорошие» старики и «плохой» близкий пожилой человек – противопоставление этих социальных ролей имеет тенденцию приближаться к крайним значениям по мере повышения уровня образования испытуемых.

2. Только социальные работники с высшим образованием воспринимают молодежь как более здоровую и жизнеспособную.

3. Во всех трех группах не зависимо от уровня образования наблюдается тенденция линейного развития самооценки по следующей схеме: «в прошлом я был лучше, чем сейчас, а в старости стану еще хуже». Можно говорить о существовании устойчивого стереотипа «чем старше, тем хуже».

4. В то же время, необходимо сделать акцент на существовании противоречия, которое наблюдается во всех подгруппах: при ярко выраженной положительной характеристике старого поколения вообще, испытуемые склонны присваивать себе в старости весьма отрицательные характеристики.

Сравнительный анализ результатов с учетом возраста

1. Не зависимо от возраста у испытуемых прослеживается динамика снижения самооценки по линии «я в прошлом – я сейчас – я в старости».

2. С увеличением возраста испытуемых в позитивную сторону изменяются представления о старом поколении вообще.

3. Представления о молодом поколении не изменяются с возрастом испытуемых и во всех группах остаются крайне негативными.

4. Положительное представление о близком молодом человеке связано с определенными фазами жизни (определенным возрастом), когда эта социальная роль ассоциируется испытуемыми или с собственным ребенком, или с внуком.

5. Чем старше сами испытуемые, тем более негативно они воспринимают близкого пожилого человека, в то время как представления о старом поколении вообще связаны с положительными характеристиками.

Таким образом, проведенные исследования ярко показывают комплексный и амбивалентный характер установок молодого и среднего поколения к старшему поколению.

Итак, эпоха сменяет эпоху, традиции передаются из поколения в поколение, образ старости может быть окружен ореолом почитания, а может быть низведен до степени непризнания и игнорирования ассоциироваться исключительно с физическими недугами и всевозможными проблемами. Но на протяжении многих столетий вклад «стариков» в сокровищницу мировой науки, культуры, искусства ни у кого не вызывает сомнений. Жизненный путь многих из них заставляет потомков переосмысливать свою роль в мире, обществе, семье и направлять свой личностный потенциал на раскрытие собственных духовных качеств.

Понимание возможных способов социального регулирования процесса старения в его индивидуальном и групповом проявлениях, все более полное удовлетворение социальных и естественных потребностей старых людей возможны только с помощью содержательного анализа тех проблем социологии и психологии старения которые имеют первостепенное значение для системного видения закономерностей завершающего этапа человеческой жизни. Это, прежде всего, анализ общечеловеческих детерминант демографического и психологического старения, выявление ценностно-гуманистического смысла проблемы долголетия, изучение социально-психологического статуса пожилых, возможности их участия в основных сферах жизни общества после выхода на пенсию, специфики их психологии, мотивов поведения, образа жизни. Анализ ситуации, сложившейся к настоящему времени в науке о старении, в значительной мере определяет направление дальнейших поисков и выбора предпочтительных путей достижения активного долголетия все большим числом людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978. -216 с.
2. Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология: Учеб. пособие. Л., 1990. - 256 с.

3. Чеботарев Д.Ф. Геронтология и современная медицина // 9-й Международный конгресс геронтологов. М., 1986. Т. 1. -С. 14.
4. Friis H. Old people in three industrial societies, papers // Sixth Congress of Sociology. Copenhagen, 1966. -P. 49.
5. Jomain C. Mourir dans la tendresse // Centurior. Paris, 1984. №32. -P. 21–52.
6. Tibbitts C. Social aspects of aging // Journal of the American Geriatrics Society. 1963. V.11. № 12. -P. 75–88.
7. Tulibacki W. Starosc w perspektywie moralnej // Cztowiek i swiatopogled. 1989. № 10. -S. 15–19.
8. Victor CH. old age in modern society: A textbook of social gerontology. London, 1987. 338 p.
9. Tornston L. Gerontology in a dynamic society // Ageing and life course transitions / Hareven T.K., Adams K.J. New York: Guilfordpress, 1982. - P. 183–219.
- 10.Александрова М.Д. Очерки психофизиологии старения. Л.,1965. - 112 с.
- 11.Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. - 282 с.
- 12.Карсаевская Т.В., Шаталов А.Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978. - 216 с.
13. Панин Ю.В., Сачук Н.Н. Роль социально-гигиенических факторов в формировании биологического возраста человека // Геронтология и гериатрия: Ежегодник. 1984. Киев, 1984. -156 с.
14. Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., 1987. -168 с.
15. Ревуцкая З.Г., Сачук Н.Н., Стеженская Е.И., Григоров Ю.Г. Актуальные проблемы социальной геронтологии // Социальная среда, образ жизни и старение. Киев, 1970. -С. 34–38.
16. Россет Э. Постарение населения – следствие современной демографической ситуации // Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974. -146 с.
17. Beauviog S. La vieillesse(Essai). Paris, 1970. 605 p.
18. Социальная геронтология: современные исследования: Реф. сб. М., 1994. -135 с.
19. Фрейд З. Психология Я и защитные механизмы. М., 1993. -78 с.
20. Эриксон М. Передовые техники гипноза и терапии. М., 1990. -323 с.
21. Юнг К. Психологические типы. М., 1992. - 125 с.
22. Болтенко В.В. Изменение личности у престарелых, проживающих в домах-интернатах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980. -21 с.
23. Ригина А.А. Изучение здоровья, социальной адаптации и активности лиц старших возрастов, проживающих в домах-интернатах // Старение и адаптация: Тез. и реф. докл. Минск; Киев, 1980. -С. 12–17.
24. Панина Н.В. Проблемы социальной адаптации пожилых людей к статусу пенсионера: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1980. -21 с.
25. Шапиро В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М., 1983. -129 с.
26. Laufer R.S., Bengston V.L. Generations, aging and social stratification: on the development of generational units // J. Social Issues. 1974. Vol. 30. № 3. - P. 186.
27. Riley M.W. et. al. Aging and society. Vol. III. A sociology of the stratification. New York, 1972. - P. 56–68.
28. Cumming E., Henry W.E. Growing old. New York, 1962. -456 p.
29. Rosen J., Neugarten B.L. Ego functions in the middle and later years: a thematic apperception study of normal adults // Journal of Gerontology. 1960. V. 15. -P. 62–70.
- 30.Алексеевич Г.С. К вопросу об эмоциональной жизни людей пожилого и старческого возраста // Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1970. Т.2. -С. 344–345.
31. Knowles L.N. (ed.) Maintaining high level wellness in older years. Gainesville, 1965. 125 p.
32. Rosenmayr L. Elements of assimilation-yield theory // Paper read at the 8th World Congr. of Sociol. Toronto, 1974. -P. 32.
33. Григорьев С.И., Демина Л.Д. Социолог в регионе экологического неблагополучия: Концепция, программа, опыт подготовки. Барнаул, 1994. - 131 с.
34. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М., 1997. – 400 с.
35. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
36. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
37. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. – М., 1990. - 78 с.
38. Келли А. Дж. Теория личности. – СПб., 2000. - 249 с.